

Экономический кризис в Латинской Америке

Латинская Америка по своему положению и роли в мировом хозяйстве характеризуется, в основном, двумя особенностями:

1) односторонним хозяйственным развитием, покоящимся на монокультуре (преобладании какой-либо одной культуры в хозяйстве страны) и, следовательно, отсталым, полукOLONиальным характером экономики и

2) хозяйственной и политической зависимостью от иностранного капитала, главным образом, английского и северо-американского. Этими двумя моментами предопределяются специфические черты ныне разразившегося в Латинской Америке экономического кризиса, а также пути и формы его дальнейшего развертывания.

Необходимо подчеркнуть, что экономический кризис в ряде стран Латинской Америки (Куба, ряд карликовых республик Центральной Америки: Сальвадор, Гватемала, Коста-Рика и Бразилия, Колумбия, Эквадор) начался до кризиса в САСШ, при чем последний в САСШ, играющих ведущую роль во внешне-торговых оборотах и в потреблении колониального сырья и продовольствия латино-американских стран, разумеется, способствовал обострению и углублению кризиса в этих странах и превращению его в подлинную народнохозяйственную катастрофу.

Латинская Америка, являющаяся одним из богатейших в мире продовольственно-сырьевых резервов, занимает монопольное положение в производстве ряда колониальных товаров; в 1929 г. Латинская Америка дала свыше 90% мировой продукции кофе, около 45% мировой продукции тростникового сахара и 30% — какао.

Для хозяйства ряда центрально- и южно-американских республик особенно репрезентативной является культура кофе, что видно из анализа структуры экспорта этих стран: культура кофе целиком определяет хозяйство карликовых центрально-американских республик, составляя 80% стоимости всего экспорта Гватемалы, 90% — Сальвадора и 60% — Коста-Рики; культура кофе господствует также в ряде южно-американских республик, например, Бразилии и Колумбии, составляя соответственно 70 и 75% стоимости экспорта этих стран; в экспорте Эквадора какао и кофе также составляют 50% его стоимости, а для Венесуэлы — около 30%; наконец, основой народного хозяйства Кубы является культура сахарного тростника, составляющего 70% экспорта страны. Вполне естественно, что отсталая экономика латино-американских стран, базирующаяся на экстенсивном сельском хозяйстве с преобладанием производства колониальных товаров, благодаря своей односторонней ориентации в отношении мирового хозяйства, целиком зависит от конъюнктурных колебаний на мировых рынках колониальных товаров.

Вместе с тем, Латинская Америка обладает богатейшими в мире запасами минерального сырья; в 1929 г. Латинская Америка дала около

55 % мирового производства серебра (в т. ч. Мексика 40 %), около 20 % мировой продукции меди (в т. ч. Чили 18 %), около 23 % олова (Боливия) и около 16 % нефти (в т. ч. Венесуэла—9 % и Мексика—3 %). Помимо колониальных товаров и сырья минерального происхождения, Латинская Америка и, в частности, Южная Америка играют также значительную роль в мировом производстве животного сырья, например, шерсти (Уругвай, Аргентина), составляя около 16 % мирового производства, а также ряда зерновых и технических культур: кукурузы, пшеницы, льняного семени (соответственно 14, 7 и 50 % мирового производства этих культур).

Таким образом, Латинская Америка является колоссальным резервуаром продовольственных и сырьевых ресурсов и аграрным Hinterland'ом в отношении высоко-развитых индустриальных стран Европы и Америки, и, в первую очередь, САСШ.

Уже в течение ряда лет Латинская Америка и, особенно, Южная Америка являются ареной ожесточенной борьбы северо-американского и английского империализма, при чем борьба за Латинскую Америку особенно усилилась в военные и послевоенные годы, когда Англия столкнулась на латино-американских рынках с полнокровным, окрепшим за годы войны империализмом САСШ.

Расстановка борющихся империалистических сил в Латинской Америке — Соед. Штатов и Англии — в основном определяется следующим положением: северо-американский капитал в этих странах выступает как капитал промышленный, а английский — как ссудный (ростовщический); соответственно этому северо-американские инвестиции в странах Латинской и, особенно, Южной Америки направлены в промышленность (в некоторых странах частично в торговлю), а английские инвестиции в основном идут по линии займов и отчасти железно-дорожного строительства (напр., в Аргентине, Бразилии и др.).

Экспансия Соед. Штатов в странах Центральной и Южной Америки происходила по линии интенсивного роста северо-американских инвестиций в этих странах и по линии усиления с ними внешнеторговых связей. Инвестиции капиталов Соед. Штатов в страны Латинской Америки с 1913 по 1928 г.г. (на 31 декабря) увеличились более чем в 4 раза: с 1.300 до 5.467 млн. долл. и составили 35 % всех инвестиций Соед. Штатов за границей; экспорт Соед. Штатов в страны Латинской Америки за этот же период вырос с 302 до 878 млн. амер. долл., а импорт из латино-американских стран с 434 до 1.030 млн. амер. долл.

Латино-американские страны, составляющие в настоящее время около 20 % внешнеторговых оборотов Соед. Штатов, являются рынками сбыта для северо-американской индустрии и вместе с тем, богатейшим аграрным Hinterland'ом для Соед. Штатов по линии снабжения их сырьем и продовольствием. Из экспорта Соед. Штатов в латино-американские страны 73 % приходится на готовые изделия (автомобили, радиоаппаратура, электрооборудование, сел.-хоз. машины) и 18 % — на полуфабрикаты; в 1929 г. прирост экспорта Соед. Штатов в страны Латинской Америки составил 70 % по сравнению с довоенным, а ее конкурентов — Англии, Германии — только 23 %. Импорт Соед. Штатов из стран Латинской Америки, выросший на 117 % по сравнению с довоенным, в основном состоит из предметов продовольствия и сырья (соответственно 54 и 32 % всего импорта). В 1929 г. доля стран Латинской Америки в общем импорте Соед. Штатами ряда предметов продовольствия и сырья была следующая: кофе—66 % (в том числе из Бразилии 59 %), тростниковый сахар—около 75 % (из

Кубы) кожи — 20 % (из Аргентины), медь — 67 % (в т. ч. из Чили 38 %) и т. д.

Приведенные цифры являются яркой иллюстрацией тесной хозяйственной (и политической) зависимости Латинской и, особенно, Центральной Америки от империализма САСШ. В частности, центрально-американские республики фактически давно уже утратили свою хозяйственную и политическую самостоятельность. Инвестиции Соед. Штатов в Центральной Америке превышают довоенные, примерно, втрое и составляют в настоящее время свыше 3 млрд. амер. долл., при чем главная масса северо-американского капитала, инвестированного в Центральной Америке, приходится на Кубу (47 % всех инвестиций) и Мексику (44 %).

Чрезвычайно значительна роль северо-американского капитала также в Мексике, где он устремляется в основном в нефтепромышленность (37 % всех инвестиций), горное дело и металлургию (23 %), плантации и леса (16 %) и т. д. В прочих центрально-американских республиках (Коста-Рика, Гватемала, Сан-Сальвадор, Гондурас, Панама, Гаити, Сан-Доминго, Никарагуа) инвестиции САСШ составляют около 300 млн. амер. долл. и охватывают основные отрасли народного хозяйства этих стран (производство кофе, бананов, тростникового сахара, железные дороги и т. д.).

Таким образом, Центральная Америка является колонией северо-американского империализма, а Караибское море — внутренним морем Соед. Штатов. Последние восстания в Никарагуа и Гаити, жестоко подавленные северо-американским империализмом, показывают, как САСШ ревностно охраняют «мир и независимость» карликовых республик бассейна Караибского моря. Точно также недавний разрыв Мексикой дипломатических отношений с СССР показывает, что политика этой страны целиком и полностью определяется и диктуется Вашингтоном.

В Южной Америке, представляющей богатые возможности для экспорта северо-американского капитала, Соед. Штаты столкнулись с серьезным соперничеством английского капитала.

Абсолютные размеры и темпы прироста северо-американских инвестиций в южно-американских республиках весьма высоки: 1912 г. — 179, 1927 г. — 1.964 и 1928 г. — 2.157 млн. амер. долл. Однако, и в настоящее время в основных государствах Южной Америки — Аргентине и Бразилии — попрежнему преобладает еще английский капитал (соответственно 67 и 54 % всех иностранных инвестиций в этих странах против 16,5 и 17 % северо-американских инвестиций). Инвестиции северо-американских капиталов преобладают во второстепенных южно-американских республиках: Колумбии (75 % всех иностранных инвестиций), Венесуэле (58 %), Эквадоре (59 %), Боливии (55 %) и Перу (43 %); лишь в Уругвае и Парагвае сильны позиции Англии (соответственно 36 и 30 % всех иностранных инвестиций против 16 и 18 % инвестиций Соед. Штатов).

Северо-американский капитал в значительной степени овладел промышленностью южно-американских республик. В послевоенные годы инвестиции мощных северо-американских компаний Свифта, Армора, Вильсона в мясную промышленность Аргентины превысили 80 млн. долл. Северо-американские инвестиции в электрохозяйство этой страны в начале 1929 г. составляли свыше 40 млн. амер. долл.

В Бразилии, где также количественно преобладают английские инвестиции, все же 50 % американских инвестиций приходится на про-

мышленность, главным образом, на электропромышленность и добычу марганцевой руды.

Точно также и в Чили американский капитал устремляется в промышленность, главным образом, горную, именно добычу меди (97% чилийского производства меди находятся в руках американских компаний), и в производство чилийской селитры, где участие американского капитала чрезвычайно значительно и выражается в контроле над 50% всей продукции. Вследствие этого экспорт селитры и меди североамериканскими компаниями составляет свыше 50% стоимости экспорта страны. Американские капиталы, инвестированные в горную промышленность Чили (селитра и медь), объединяются в одном гигантском концерне Гугенгейма, играющем ведущую роль в медном картеле в САСШ. Точно также североамериканский империализм занимает господствующее положение и в прочих отраслях чилийской промышленности: электропромышленности, стальной и добычи нефти.

В Колумбии, Венесуэле и Перу американский капитал инвестирован, главным образом, в нефтяную промышленность, и американские компании контролируют основную массу нефтедобычи этих стран; в Колумбии почти вся нефтедобыча находится в руках, так называемой, Тропической нефтяной компании, которая является дочерним обществом Имперской нефтяной компании, входящей в группу Стандарт Ойл; в Перу североамериканскими компаниями — также дочерними обществами Стандарт-Ойл — контролируется свыше 70% нефтедобычи; наконец, в Венесуэле — основной нефтепроизводящей стране Южной Америки, — которая дает около 9% мировой добычи нефти и около 70% всей нефтедобычи Южной Америки, североамериканские компании — Стандарт-Ойл — играют главную роль.

В Боливии североамериканский капитал устремляется в основную отрасль народного хозяйства — добычу олова и контролирует от 50 до 60% добычи его в этой стране; добыча свинца, меди и нефти находится также в руках североамериканских компаний.

Таким образом, мы видим, что послевоенные годы характеризуются интенсивным проникновением североамериканского капитала (в форме инвестиций, займов и пр.) в страны Латинской Америки и непрерывным вытеснением Англии на латиноамериканских рынках.

Однако, неправильно было бы делать отсюда вывод, что английский капитал уже побежден капиталом САСШ. В Южной Америке в настоящее время по размерам инвестиций абсолютно преобладает английский капитал, который составляет около 50% всех иностранных инвестиций в южноамериканских странах против 30% САСШ и 20% инвестиций прочих стран (Германии, Франции, Италии и др.).

Чрезвычайно яркой иллюстрацией активности английского империализма в странах Латинской Америки является посещение английской комиссией д'Абернона в августе—сентябре истекшего 1929 г. хозяйственных центров Южной Америки: Аргентины, Бразилии и Уругвая и заключение с правительствами этих стран ряда торговых договоров и соглашений. Соглашения, заключенные комиссией д'Абернона с рядом южноамериканских республик, в частности, с Аргентиной, показывают, что английский империализм не намерен уступать своих позиций империализму САСШ. Так, например, согласно договору, заключенному д'Аберноном с правительством Аргентины, последняя обязуется в течение ближайших двух лет купить английских товаров на 8 млн. фунт. стерл. (главным образом, для железно-дорожного строительства и общественных работ), взамен чего Англия обязуется

на эту же сумму произвести покупки аргентинских товаров (в основном — предметы продовольствия).

Экспорт Англии в Аргентину по сравнению с довоенным вырос на 40%, а импорт из Аргентины — более чем на 80%. В общем экспорте Аргентины, экспорт в Англию составляет 37%. Аргентина является для Англии, которая потребляет в основном продовольствие заокеанских стран, богатейшим источником снабжения; так, английский рынок поглощает около 90% всего экспортируемого из Аргентины мяса (как мороженого, так и охлажденного), при чем Аргентина на английском мясном рынке успешно конкурирует с Австралией и Новой Зеландией. Перечисленные моменты объясняют размеры внешне-торговых оборотов Англии и Аргентины, в первую очередь, по линии экспорта из Аргентины в Англию. Что касается импорта Аргентины, то Англия в нем составляет только около 20% против 27% импорта из САСШ; ведущая роль последних в аргентинском импорте объясняется, главным образом, интенсивным ростом ввоза в страну автомобилей и сельхоз. машин (главным образом, комбайнов).

Наконец, по размерам инвестиций в народном хозяйстве Аргентины ведущую роль играет Англия. Инвестиции последней составляют свыше 60% всех иностранных инвестиций в Аргентине и колеблются на конец 1929 г. в пределах от 500 до 600 млн. фунт. стерл. по сравнению с 440 млн. английских инвестиций в Канаде, 300 млн. — в Бразилии и 270 млн. — в САСШ.

В специальном приложении к «Economist», посвященном Аргентине, в связи с заключением с ней договора комиссией д'Абернона, указывается на «чрезвычайную любовь и популярность, которой пользуется Англия среди большинства населения Аргентины, и на кооперацию и содружество между аргентинским и английским народом, которые являются результатом исторических традиций».

Это лицемерное заявление «Economist», выдающее интенсивное проникновение английского империализма в Аргентину за «исторические традиции», показывает, что Англия намерена «активизировать» свою политику в Южной Америке и, в первую очередь, в Аргентине. Конечно, необходимо иметь в виду, что английский империализм в Аргентине сталкивается с империализмом североамериканским, который выбил уже Англию из целого ряда хозяйственных позиций. В частности, для конкурентной борьбы Англии и САСШ в Аргентине характерна скупка североамериканскими компаниями акций английских предприятий, и, следовательно, переход контроля над этими предприятиями к североамериканскому империализму. Это нашло свое выражение в мясной промышленности Аргентины, где мощные североамериканские компании Армора, Свифта и Вильсона вытеснили в послевоенные годы и английские, и аргентинские компании; аналогичное положение наблюдается и в отношении предприятий общественного пользования в Аргентине, где североамериканскими компаниями были приобретены акции United River Plate Telephone & Co и Atlas Light and Power Co, где преобладали до последнего времени английские инвестиции.

Точно также и в Бразилии, где английские инвестиции составляют свыше 50% всех иностранных инвестиций в этой стране, комиссия д'Абернона достигла реальных успехов.

Внешнеторговые взаимоотношения Англии и Бразилии специфичны, так как Англия играет ничтожную роль в потреблении основного предмета бразильского экспорта — кофе; действительно, в мировом потреблении кофе Англия составляет 1,5% против 60% САСШ,

причем основная масса импортируемого Англией кофе не бразильского происхождения. Комиссия д'Абернона обратила внимание на возможности расширения импорта из Бразилии кофе, мяса и фруктов, в частности приняты меры к тому, чтобы в общем импорте Англией кофе на 5 млн. фунт. стерл. была повышена доля бразильского кофе.

Одним из непосредственных результатов работ комиссии д'Абернона является краткосрочный (сроком на 7 мес.) заем, предоставленный правительству Бразилии английскими банкирскими домами Ротшильда, Шредера и К^о для субсидирования «Дефез»'ы — Бразильского Института по охране производства кофе.

Наконец, яркой иллюстрацией закабаления Бразилии английским империализмом являются цифры задолженности Бразилии Англии, составляющей 147,8 млн. фунт. стерл., т. е. около 70% всей внешней задолженности страны.

Точно также и с Уругваем комиссией д'Абернона заключен ряд торговых соглашений о взаимном благоприятствовании и расширении внешне-торговых связей.

Чрезвычайный интерес представляет оценка немецкой печатью работ комиссии д'Абернона в Южной Америке, которые единогласно рассматриваются как реальное препятствие бурной экспансии северо-американского империализма в этих странах.

Комиссия д'Абернона бесспорно имела своей целью укрепить позиции английского империализма в Южной Америке и, в частности, была направлена против САСШ; об империалистических планах Англии в Южной Америке, в связи с работами комиссии д'Абернона, о планах грандиозного железнодорожного строительства откровенно заявляет «Statist» (26/X — 1929 г.): «Мы ставим своей целью открыть Южную Америку с севера на юг и пересечь железными дорогами ее обширные равнины, которые простираются от Гвианы до Патагонии».

Совершенно ясно, что результаты работ комиссии д'Абернона являются дальнейшим шагом по пути активизации роли английского империализма в странах Латинской Америки и, в связи с этим, чрезвычайно неправильной является точка зрения ряда латино-американских товарищей, рассматривающих работы комиссии д'Абернона «как событие политического, а не экономического порядка» («plus un coup politique d'un coup économique»); позиция эта вредна и ошибочна, особенно, в условиях ныне разразившегося экономического кризиса в странах Латинской Америки, ибо она недооценивает силы английского империализма и неправильно ориентирует революционную активность масс в сторону борьбы исключительно против империализма САСШ.

На фоне экономического кризиса в Латинской Америке следует ожидать дальнейшего усиления и обострения конкуренции двух основных империалистических стран мира — Англии и САСШ — на этом участке мирового хозяйства.

В ближайшее время можно ожидать со стороны САСШ кредитного и товарного дэмпинга в страны Латинской Америки; вместе с тем бесспорна активизация роли также ряда прочих европейских стран на латино-американских рынках, в первую очередь, Германии, центрально-европейских (Чехо-Словакии, Швейцарии) и скандинавских (Швеции, Норвегии, Дании) стран.

Экономический кризис в странах Латинской Америки начался задолго до кризиса в САСШ и имеет свои специфические причины, заключающиеся в хроническом мировом перепроизводстве колониальных товаров, особенно ярко выявившемся в последние годы.

Мировое перепроизводство колониальных товаров (тростниковый сахар, кофе, какао, каучук) ярко иллюстрирует органическое противоречие капиталистического хозяйства между развитием производства — «естественным» ростом производительных сил — и возможностями сбыта, т. е. емкостью рынка, ограниченной платежеспособным спросом; здесь наиболее полно и отчетливо выступает имманентное капиталистическому способу производства противоречие, сочетающее абсолютное перепроизводство с недопотреблением широких слоев неплатежеспособных потребителей — трудящихся масс.

Для мирового перепроизводства колониальных товаров особенно показательным является мировой рынок сахара, который в послевоенное пятилетие 1923/24 — 1927/28 г.г. давал в среднем ежегодное превышение производства над потреблением в 1,0—1,8 млн. т, при чем предварительные исчисления мирового сахарного баланса на 1929/30 г., несмотря на уменьшение европейского урожая сахарной свеклы и резкое падение сбора сахарного тростника на Кубе, все же являются неблагоприятными и показывают превышение мирового производства над мировым потреблением свыше чем в 1 млн. т.

Перепроизводство сахара в течение ряда послевоенных лет находит свое непосредственное отражение в стремительном падении цен на сахар всех сортов, при чем темп падения цен особенно усилился в течение последних двух лет. На лондонской бирже снижение цен на свекловичный сахар в течение трех последних лет составляло в среднем 20—25% ежегодно; для тростникового сахара, в частности кубинского, по котировкам нью-йоркской биржи, темп падения цен составлял ежегодно, в среднем за трехлетие 1927—29 г.г., 12%. Кризис мирового сахарного хозяйства, в частности, его тростникового сектора, составляющего около 25% мирового производства тростникового сахара, является тяжелым ударом по народному хозяйству Кубы. Цены мирового рынка уже в настоящее время нерентабельны для производителей сахарного тростника на Кубе, т. е. ниже издержек производства. Так, например, издержки производства сахара-сырца составляют 2½ цента за англо-фунт, а рыночная цена — 2 цента.

Провал рестрикции производства сахарного тростника на Кубе, бесплодные «писания и выступления» кубинских государственных деятелей (см. выступления президента Мачадо, Тарафы и др.) о возможностях реконструкции народного хозяйства страны — все это еще более ясно подчеркивает тот хозяйственный тупик, в котором очутилась Куба — страна монокультуры, неограниченно развивавшая свои производительные силы в условиях капиталистического хозяйства.

Бесспорно, экономический кризис в САСШ, на долю которых падает около 25% мирового потребления сахара в целом и несравненно больший процент мирового потребления тростникового сахара, усилил и углубил кризис тростникового сектора мирового сахарного хозяйства и, в первую очередь, на Кубе, 90% экспорта сахара которой поглощается рынком САСШ.

Вместе с тем, экономический кризис в САСШ усилил кризисное состояние в прочих сахарно-производящих странах Центральной и Южной Америки, экспорт сахарного тростника из которых также почти целиком идет в Соед. Штаты. В частности, это относится к Порто-Рико, Ямайке, Гаити и Сан-Доминго, Малым Антильским островам, в известной степени к Аргентине, Бразилии и ряду других государств Южной Америки.

Точно также и мировой кофейный кризис, ударивший по всем без исключения странам Центральной и Южной Америки, с особенной

силой обрушился на народное хозяйство Бразилии и Колумбии, составляющих около 90% мирового производства кофе и экспорт которых на $\frac{3}{4}$ заполняется кофе.

Хозяйство гигантских кофейных плантаций Бразилии, в которых инвестировано свыше $\frac{1}{2}$ млрд. долл. капитала, точно также как и колумбийских кофейных плантаций, составляющих $\frac{3}{4}$ национального богатства Колумбии, — совершенно дезорганизовано.

Кризис мирового кофейного хозяйства, подобно кризису мирового сахарного хозяйства, объясняется перепроизводством, особенно ярко выявившимся в 1927/28 г. Действительно, к 1927/28 г. мировое производство кофе, по сравнению со средними размерами производства в предвоенное пятилетие 1909—13 г.г., возросло на 85%, а мировое потребление за тот же период возросло только на 30%. Интенсивный рост мирового производства кофе в послевоенные годы объясняется, главным образом, ростом производства и в экстенсивном (освоение новых земель), и в интенсивном (рост урожайности) направлении в Колумбии и в Нидерландской Индии, который стимулировался ненормально высоким уровнем кофейных цен, индекс которых в среднем за послевоенное трехлетие 1927—29 г.г. превышал довоенный на 130—135 пунктов.

Высокий же уровень кофейных цен в свою очередь объясняется политикой «Дефез»ы — «Института по охране производства кофе в Бразилии», аккумулировавшей запасы кофе внутри Бразилии и регулировавшей экспорт, т. е. предложение бразильского кофе на мировых рынках.

Подобная политика Бразилии с неизбежностью вела к интенсивному росту производства *outsider'ов*, т. е. кофейных производящих стран, не входивших в рестрикционную схему Дефезы и, в первую голову, Колумбии и Нидерландской Индии, на что нами уже указывалось выше.

Действительно, в послевоенное пятилетие 1923/24—1927/28 г.г. средне-годовые размеры продукции кофе в Бразилии показывают рост по сравнению с довоенным на 20%, а рост производства у «аутсайдеров» — Колумбии и Нидерландской Индии — соответственно 181 и 188%.

Непрерывный рост запасов кофе внутри Бразилии и рост продукции *outsider'ов* должен был привести к краху политики контингентирования экспорта и искусственного ограничения предложения бразильского кофе на мировых рынках, проводимую бразильским институтом. Действительно, уже начиная с 1927 г., мировые кофейные цены обнаруживают неустойчивость, с тенденцией к снижению, прерываемую сравнительно кратковременными спекулятивными взлетами, но переломным в этом отношении является 1929 г.; с II квартала 1929 г. котировки бразильского кофе на лондонской и нью-йоркской биржах, имеющих решающее значение для конъюнктуры мирового кофейного рынка, — показывают непрерывное падение, темп которого усиливается из месяца в месяц и заканчивается резким срывом в IV кв. (падение на 22% по отношению к III кв.) под влиянием экономического кризиса в САСШ.

Развертывание экономического кризиса в САСШ, составляющих 60% мирового потребления кофе, бесспорно углубит и усилит кризис мирового кофейного хозяйства; так как кофе из латино-американских стран составляет около 70% всего импортируемого САСШ кофе, то ясно, что в ближайшие месяцы следует ожидать дальнейшего углубле-

ния кризиса в Бразилии, Колумбии, Эквадоре и кофейных производящих странах Центральной Америки (Гватемала, Сальвадор, Коста-Рика).

Точно также и в области мирового производства какао мы имеем хронический кризис перепроизводства, особенно усилившийся в послевоенные годы, в частности, в послевоенное трехлетие 1927—29 г.г., хотя симптомы перепроизводства в этой сфере колониального хозяйства имелись и до войны, например, в 1913/14 г., когда производство составило 227,3 тыс., а потребление — 224,2 тыс. метрич. тонн.

Хроническое превышение производства какао над потреблением колебалось в последние годы в пределах от 20 до 50 тыс. *m/m* и составило в 1928/29 г. 18,6 тыс. *m/m*.

«Диспропорция» между мировым производством и мировым потреблением какао обусловлена, в первую очередь, интенсивным ростом производства в кофейных производящих областях Африки, в частности, ростом продукции Золотого Берега, составляющего около 50% мирового производства какао (за пять последних лет продукция Золотого Берега увеличилась более чем на 20%).

Хроническое перепроизводство какао находит свое непосредственное отражение в динамике цен, дающих неуклонное падение уже с 1927 г., прерываемое кратковременными подъемами преходящего, случайного характера; со II квартала 1928 г. падение цен идет непрерывно и темп его нарастает к концу 1929 г., что связано с разразившимся экономическим кризисом в САСШ, поглощающих 40% мирового потребления какао: действительно, в IV кв. 1929 г. цены на какао показывают резкое падение на 8—10% по сравнению с котировками III кв. Латинская Америка в производстве какао играет значительную роль, поставляя около 30% мировой продукции.

Кризис мирового рынка какао особенно тяжело отразится на хозяйстве ряда островов Карибского моря (Тринидад, Сан-Доминго), Бразилии, Венесуэлы и Эквадора. Действительно, производство какао в этих областях играет значительную роль, причем Тринидад и Сан-Доминго составляют около 10% мировой продукции, Бразилия — свыше 12%, Венесуэла — 4% и Эквадор — 3%, при чем экспорт какао составляет свыше $\frac{1}{3}$ стоимости всего экспорта Эквадора.

Наконец, и в области мирового каучукового хозяйства симптомы перепроизводства, имевшиеся уже в 1927 г., особенно ярко выявились в 1929 г., когда производство превысило потребление, примерно, на 9—10%.

«Проблема» каучука, подобно «проблеме» сахара и кофе, является яркой иллюстрацией бессилия капиталистического хозяйства разрешить основную «диспропорцию» капитализма между производством и потреблением, между растущим предложением и ограниченным платежеспособным спросом.

Провал схемы Стевенсона¹ в 1928 г. под влиянием интенсивного роста производства каучука в Нидерландской Индии обусловил неуклонное снижение цен как на плантационный, так и на дикий каучук на мировых рынках. Так, средне-месячная цена плантационного каучука на лондонском рынке за трехлетие 1927—29 г.г. снизилась на 44%, а дикого (Бразильский *Para Hard*) — на 31%.

Естественно, что темп снижения цен на каучук особенно усилился в IV кв. 1929 г. под влиянием экономического кризиса в САСШ, играющих ведущую роль в мировом потреблении каучука и составивших в 1929 г. свыше 60% мирового потребления; действительно, цены на

¹ Схема реконструкции производства каучука, установленная в 1922 г.

каучук в IV кв. снизились по сравнению с котировками III квартала на 20%.

Вообще же говоря, рост запасов каучука, превысивших в 1929 г. прошлогодние, примерно, на 65%, ожидающийся интенсивный рост производства и беспорочное резкое снижение мирового потребления, в связи с мировым экономическим кризисом,—все это является чрезвычайно неблагоприятными показателями ценностной конъюнктуры на каучук для наступающего 1930 г. В январе 1930 г. цены на каучук стояли на самом низком уровне со времени кризиса 1922 г. и индекс цен на плантационный каучук в январе составлял 29 в отношении цены 1913 г., принятой равной 100.

Кризис мирового каучукового хозяйства уже нашел свое отражение на каучуковых плантациях Бразилии, Гвианы, Боливии и Венесуэлы.

Наконец, истекший 1929 г. характеризовался длительной засухой в Аргентине, чрезвычайно неблагоприятно отразившейся на состоянии ее сельского хозяйства, по преимуществу экстенсивного и находящегося в тесной зависимости от метеорологических условий. Влияние засухи и распространение вредителей (спорынья) особенно тяжело отозвалось на урожае основных продуктов сельского хозяйства Аргентины — пшеницы и льняного семени, сборы которых в 1929 г. показывают снижение в отношении предыдущего 1928 г. соответственно на 54 и 33%. В южных частях провинций Санта Фэ и Кордобы уничтожено от 60 до 70% посевов, и возделываемая сел.-хоз. площадь этой части страны снизилась с 2,7 до 2,1 млн. га, т. е. на 22%.

Структура экспорта в 1929 г. (11 м.) является точным отражением кризисного состояния сел. хозяйства и показывает снижение (количественное) в отношении экспорта в соответствующий период 1928 г. по основным товарным группам: кукуруза (—17,9%), льняное семя (—16,7%), квебраховое дерево и квебраховый экстракт (—24,2%), кожи (—12,7%) и масло коровье (—10,4%); из значительных экспортных товарных групп только пшеница и шерсть показывают в 1929 г. рост (количественный) в отношении 1928 г.: соответственно на 25,7 и 4,6%, но ценностные итоги, благодаря депрессивной конъюнктуре мирового пшеничного и шерстяного рынков,—неблагоприятны. В частности, конъюнктура кожевенного и шерстяного рынков, играющих значительную роль в народном хозяйстве и экспорте Аргентины, чрезвычайно неблагоприятная в первой половине 1929 г., несколько улучшилась во второй половине, но уже в ноябре-декабре на этих рынках заметно стало чувствоваться депрессивное влияние американского кризиса.

Общая стоимость экспорта Аргентины в 1929 г. показывает снижение в отношении 1928 г. на 7%. По импорту не имеется еще точных данных, но по некоторым косвенным показателям (снижение доходных поступлений от ввозных пошлин) можно предполагать, что стоимость импорта страны в 1929 г. также ниже, чем в предыдущем.

Снижение стоимости экспорта и, следовательно, уменьшение поступлений золота в страну вызвали колебания курса аргентинского пезо.

Действительно, с июля 1927 г. по июль 1928 г. в Аргентину было импортировано 420 млн. зол. пезо, а в течение первых 10 месяцев 1929 г. экспорт золота из страны составил 131 млн. зол. пезо. Наконец, 17 декабря правительство запретило обмен банкнот на золото внутри страны, но сохранило за банками право экспорта золота. В результате немедленно последовало обесценение аргентинского пезо, примерно,

на 5%. При паритете 100 ам. дол.—103,64 зол. пезо, котировка 12 декабря составляла 106,80, 19 декабря — 109,90, 26 декабря — 107,90 и 4 января — 108,85; таким образом, налицо определенные симптомы обесценения аргентинского пезо, хотя и без особо сильных колебаний.

Мировой аграрный кризис, в частности, уже подчеркнутый нами выше кризис мирового шерстяного и кожевенного рынков, обусловил депрессию народного хозяйства Уругвая — «классической» страны сел. хозяйства с ярко выраженным животноводческим уклоном: 95% стоимости экспорта страны составляют продукты животноводства.

Вместе с тем низкие цены на сел.-хоз. продукты обусловили кризис перепроизводства в текстильной промышленности Бразилии, в частности в штате Сан-Пауло, являющейся наиболее значительной отраслью обрабатывающей промышленности страны; одновременно 1929 г. показывает резкое снижение размеров активного сальдо внешне-торгового баланса страны на 45% в отношении 1928 г. На фоне народно-хозяйственного кризиса в Бразилии, охватившего основные отрасли национальной промышленности — кофейную и текстильную, происходит непрерывное падение курса бразильской валюты — милрейса. В настоящее время резервы золота в стране равны 31.461 тыс. фунт. стерл., что составляет только 37% по отношению ко всему количеству денег, находящихся в обращении.

Чрезвычайно яркую характеристику кризиса в странах Латинской Америки дает январский (1930 г.) номер «Commerce Reports» — органа министерства торговли САСШ. Автор статьи, руководитель латиноамериканской секции министерства, констатирует наличие мирового кофейного кризиса, который «является ключом для понимания экономического положения в восьми или даже девяти странах Латинской Америки» и сравнивает резкий срыв кофейных цен в октябре 1929 г. с мировым кофейным кризисом 1920/21 г., подчеркивая этим самую глубину и размеры кризиса.

Нижеследующая характеристика экономического положения в отдельных странах Латинской Америки весьма показательна:

«В Бразилии кофейное хозяйство находится в чрезвычайно депрессивном состоянии, что оказывает неблагоприятное влияние на денежное обращение. Недавно полученный в Лондоне заем в 2 млн. фунт. стерл. является чрезвычайно незначительной величиной по сравнению с суммами, израсходованными в тщетных попытках удержать действие схемы валоризации кофе, стабильность валюты и страны в целом. Политическое положение является напряженным и происходит ряд волнений, особенно в южных штатах. Помимо кофе, кризисом поражены также прочие отрасли народного хозяйства Бразилии: цены на какао, тростниковый сахар и хлопок непрерывно падают и, следовательно, Байя и Пернамбуку¹ испытывают такое же сильное влияние кризиса, как Рио и Сан-Пауло²».

Точно так же в Колумбии резкий срыв кофейных цен положил конец «просперити»: «Хозяйственное положение Колумбии осложняется политическими моментами. В начале ноября безработица определялась цифрой в 50.000 чел.³, а в связи с окончанием сбора кофе в конце календарного года и прекращением общественных работ,—перспективы рабочего класса весьма мрачны. Высокая заработная пла-

¹ Штаты, в которых сосредоточено производство какао, тростникового сахара и хлопка.

² Центры производства кофе.

³ В настоящее время значительно больше.

та, которую платили американские строительные фирмы, прекращается и рабочие руки смогут найти свое применение только на кофейных плантациях, конечно, при условии, если на рабочие руки будет спрос, при чем заработная плата составит от 0,70 до 0,80 ам. долл. в день. Предполагается, что доходные поступления в 1930 г. будут ниже поступлений 1929 г. на 40%. Золотые резервы в республиканском банке Колумбии уменьшаются, а учетная ставка составляет 7—8% в октябре и 9% — в декабре».

«Центральная Америка: Коста-Рика, Гватемала, Сальвадор и Никарагуа, — читаем мы далее, — пострадали от срыва кофейных цен, которые на конец 1929 г. показывают падение в отношении 1928 г. на 33%. Депрессия особенно резко чувствуется в Гватемале и Сальвадоре.

«В Эквадоре хозяйственное положение неудовлетворительно: сбор кофе меньше прошлогоднего на 20%, а сбор какао является самым низким, начиная с 1900 г.; сбор хлопка также на 20% ниже сбора 1928 г., и местные текстильные фабрики резко уменьшили размеры продукции. Безработица значительна, и наблюдается рост бандитизма в прибрежных сел.-хоз. округах, что сопровождается восстаниями индейцев и захватами земли внутри страны. Очевидно, что каждая отрасль народного хозяйства Эквадора находится в критическом или почти критическом положении.

В Гаити существующая депрессия усилилась благодаря резкому падению кофейных цен, которые в 1929 г. показывают падение в отношении 1928 г. на 31%. Импортная торговля незначительна, и конъюнктура кофейного рынка явится решающим фактором для хозяйственной жизни Гаити в наступающем 1930 г.

В Доминиканской Республике — безработица значительна, торговые обороты слабые и экспорт табака, какао и кофе меньше прошлогоднего.

В Мексике покупательная сила сел.-хоз. населения резко снизилась, благодаря уменьшению продукции зерновых хлебов, бобов, ячменя и хлопка, при чем сбор зерновых в 1929 г. на 32% ниже среднего сбора в предшествующее пятилетие. Летняя засуха и осенние морозы совместно с политическими волнениями обусловили снижение размеров сел.-хоз. производства в 1929 г. Условия в горной и нефтяной промышленности — неудовлетворительны и безработица там значительна.

В Кубе определяющим народно-хозяйственным фактором является тростниковый сахар, цены на который непрерывно падают и в 1929 г. показывают снижение в отношении 1928 г. на 24%.

В Перу — тростниковый сахар и хлопок являются двумя основными продуктами, от которых зависит «процветание» страны и покупательная сила ее населения. Обе эти отрасли промышленности находились в чрезвычайно депрессивном состоянии в течение 1929 г. и цены, точно также, как и продукция, были значительно ниже, чем в предшествующем 1928 г.

В Боливии общее экономическое положение совершенно неудовлетворительно. Безработица растет и происходят серьезные волнения. Котировки олова на нью-йоркском рынке показывают снижение в отношении прошлого года на 17—18%; бесспорно, что срыв цен окажет неблагоприятное влияние на доходы пра-

вительства из этого источника, так как налоговые ставки зависят от мировых цен на олово.

Из Аргентины все сообщения однообразно пессимистичны, что объясняется, главным образом, резким снижением размеров экспорта и ростом импорта. Резкое снижение стоимости экспорта произошло, главным образом, в силу падения мировых цен на пшеницу и уменьшения отгрузок пшеницы из Аргентины. Пшеница в этом году подверглась действию бури и вредителей и сбор ее показывает снижение в отношении сбора прошлого года на 35—60%.

Не следует преуменьшать серьезности создавшегося положения, показателем чего является декрет от 17 декабря о закрытии конверсионной кассы на неопределенный период.

В Уругвае истекший 1929 г. был годом острой депрессии в народном хозяйстве этой страны. Депрессия мирового шерстяного рынка, в этом отношении, имела большое значение и в конце года значительные запасы шерсти в Уругвае оказались непроданными».

Такова оценка министерством торговли САСШ экономического положения в Латинской Америке.

Экономический кризис в Латинской Америке, на фоне всеобщего кризиса капитализма, ярко иллюстрирует непрочность капиталистической стабилизации на этом участке мирового хозяйства. По неполным подсчетам во всех странах Латинской Америки насчитывается около полутора млн. безработных, что для стран с полукOLONиальным характером экономики, подобно странам Латинской Америки, где кадры пролетариата незначительны, является показателем подлинной народно-хозяйственной катастрофы.

В настоящее время, на основе экономического кризиса, в странах Латинской Америки происходит мощный подъем революционного движения пролетарских и полупролетарских масс города и деревни. Рабочие волнения происходят в южных штатах Бразилии, на кофейных плантациях Колумбии, в Боливии и на нефтяных промыслах Венесуэлы; крестьянское движение под лозунгами аграрной революции развертывается в Эквадоре.

Компартии стран Латинской Америки должны возглавить развертывающееся революционное движение трудящихся масс города и деревни и понять, что «задача состоит в том, чтобы теперь же готовить пролетариат к решительным революционным боям, не дожидаясь момента «наступления», так называемой, непосредственно-революционной ситуации» (Сталин).